

Виталий Денисов

ИМПЕРИЯ РИГАСА

книга вторая

Океанский лайнер заканчивал свой атлантический поход. Через несколько часов должны были появиться берега Центральной Америки. На близость материка указывали белокрылые чайки, фланирующие над белоснежным кораблем, освещенным солнцем. Virtuозно устремляясь к прозрачной воде, они на миг касались ее и тотчас взмывали ввысь, удерживая в клювах серебристых рыбешек.

Ввиду обеда ожидание земли у пассажиров лайнера на время отступило на второй план: все они находились в ресторанах, барах или кафе. По этой же причине прогулочная палуба «Елизаветы II» была безлюдной, за исключением юноши, стоявшего у борта.

Легкий ветерок шевелил его светлые волосы, спадающие на загорелый лоб. Лицо было сосредоточенным, а взгляд устремлен не на фонтан, выпускаемый китом, а на одинокого дельфина, что спешил к кораблю, надеясь обрести защиту у его стальных бортов. Руслану Мирову, он же был для всех Ригас Уолполл, как и мы будем называть его, следовало поспешить к друзьям в ресторан, где они

уже ожидали его за обеденным столом, но несколько акульих плавников, прорезающих водную гладь в небольшом отдалении от дельфина, удерживали его у борта. Было очевидно: акулы гнались за своей жертвой, из боков которой сочилась кровь; розоватый шлейф окрашивал путь дельфина. Это еще больше возбуждало хищниц, лишая дельфина шансов на жизнь. Было очевидно и то, что силы покидали белогрудого красавца, а у настигающих его свирепых разбойниц они удваивались от предвкушения кровавой трапезы. У самого борта, как раз напротив Ригаса, дельфин собрался с последними силами и, как бы для того, чтобы его заметили, выпрыгнул на мгновение из воды, обнажая лоснящееся белогрудое тело с кровавыми разводами по бокам. Когда оно опять коснулось воды, из нее угрожающе, широким фронтом, как волки в загоне, вынырнули акулы плавники и показались разинутые чудовищные пасти с кольями острых зубов, способных вмиг разорвать на части обессилевшее тело бедняги.

У Ригаса появилось жгучее желание защитить несчастного. Он окинул взглядом палубу и, удостоверившись, что вокруг никого нет, извлек из кармана небольшую блестящую трубку наподобие шариковой авторучки. «Вот и настал час опробовать силу моего оружия», — подумал он и решительно направил авторучку с рубиновой

головкой на одну из акул. При этом Ригас снял предохранитель с кнопки, рядом с которой был изображен взрыв, и нажал ее. Акула исчезла. В том месте, где мгновение тому было ее тело, кипяще бурлила вода. Ригас не поверил своим глазам. Но удивляться происшедшему времени не было. Несколько оскаленных акульих пастей словно подстегнули его: тут же направил оружие в сторону другой зубатой хищницы и нажал на кнопку. Акула будто испарилась. Азарт охватил Ригаса, но он взял себя в руки и проговорил вслух:

— Не спеши, наказывая зло. Рука не должна дрожать, а чувствам нет места.

Третью акулу постигла судьба первых двух. Мгновением позже еще две хищницы с распоротыми брюхами колыхались рядом со снующим у борта спасенным дельфином. Они были уничтожены прикосновением пальца Ригаса к кнопке, рядом с которой был изображен силуэт падающего человека.

— Вот так-то, — произнес Ригас и, оглядевшись, спрятал чудо-оружие в карман.

Дельфин, видя печальный конец грозных преследовательниц океанов, вильнул хвостом, сделал игривый пируэт, вынырнув полностью из воды. Его гибкое тело блеснуло на солнце и он, ничего не опасаясь, плюхнулся в теплую воду.

Приятное чувство охватило Ригасом. Но

времени на общение не было. В ресторане его ожидали друзья и вице-президент нефтеперерабатывающей империи Кеннен. По просьбе графини Маргарет он согласился стать наставником молодых путешественников на период их знакомства с чудесными уголками планеты Земля.

Войдя в ресторан, Ригас еще издали заметил поднятую руку Ричарда и то, как из-за стола навстречу ему поднялся Маскат, увидел добрую улыбку Александра и наставника Артура Кеннена, поправляющего белоснежную салфетку на груди. Ригасу было приятно внимание друзей. Появилось желание рассказать о происшествии у борта «Елизаветы II». Но в подтверждение своих слов ему пришлось бы продемонстрировать свое грозное оружие, тайну которого следовало хранить.

Улыбаясь всем, сел за стол.

— Чайки появились. Скоро земля. Хотя мы не слишком утомлены семидневным плаванием. Но, — он повернул голову в сторону соседнего столика, за которым обедали помощники Артура Кеннена, — им, пожалуй, будет труднее. Они оторваны от своих семей.

— Ничего, — проворчал Кеннен, — им за это хорошо заплачено. Я уже в летах, казалось бы, повидал немало, и то не без интереса взгляну на мир с высоты своих шестидесяти лет, — округлое

приятное лицо Кеннена выражало спокойствие, а серые глаза светились умом и были пронизательны, как в прежние годы. Он благосклонно смотрел на внука Майкла Уолполла, отмечая его стройность и свежесть, присущие юности. «Настоящий граф Орфорд, — думал он. — Кто, кроме Майкла, меня и Александра, может знать, что этот юноша — наследник несметных богатств. С его сокровищами не могут сравниться не только отдельные супербогатые личности, но и целые государства. Это алмаз, который ему, Артуру Кеннену, вместе с Майклом Уолполлом предстоит отшлифовать и огранить, с тем чтобы он, как ему и подобает, засверкал в этом мире». Всего этого Кеннен, разумеется, не высказал вслух, а словно скрывая свои мысли, спросил у Ригаса:

— Не видно ли еще творения мсье Бартольди?

— До Нью-Йорка еще часа два, — отвечал Ригас, принимаясь за еду. Он знал, что его наставник спросил о знаменитой пятидесятиметровой статуе Свободы, возвышающейся над нью-йоркской гаванью на бывшем острове Бедлоу, а ныне Свободы. «Что же это за свобода», — неприязненно подумал он о статуе, в основание которой замурованы наряду с посланием потомкам и медальонами с изображениями американских президентов куски золота. Плохо, что и свобода связана с золотом.

Посмотрим, какая Свобода на двух американских континентах.

По-своему воспринял сообщение о статуе Свободы Маскат.

— Так близко к нам Свобода?! — удивленно произнес он. Для него, как и для Ричарда, год путешествия действительно выдался годом свободы. Вместо того чтобы ежедневно корпеть над учебниками и нудиться на жесткой студенческой скамье предстояло интересное времяпрепровождение в кругу друзей и знакомство со всем великим, что присуще Земля. Вместе с тем Маскат связывал свободу с возможностью самостоятельно принимать решения, не будучи под каждодневным контролем требовательного отца.

Александрю свобода представлялась не чем иным, как возможностью посмотреть мир и при этом быть готовым в любой момент защитить своего друга Ригаса. Кроме того, свобода интересовала его еще и потому, что, находясь рядом с Ригасом, он осознавал свою причастность к великим делам и потому получал удовольствие от жизни.

Для Артура Кеннена в этой жизни уже все было ясно. Он многое повидал и немало знал. Теперь же, как справедливо полагал, у него было одно важное поручение — охрана и безопасность молодых путешественников... Он был уверен, что

один из них, Ригас Уолполл, делами своими засверкает на весь мир. О себе сэра Артура думал меньше всего, как человек, привыкший более чем добросовестно выполнять порученное дело.

— Свобода... свобода, — произнес он, — все это относительно... Для каждого своя Свобода, которая не должна посягать на Свободу других. В противном случае на Земле воцарится хаос.

Заключение умудренного опытом человека было интересно для друзей. Для каждого из них понимание свободы было далеко не однозначным, так как они родились и выросли в разных экономических формациях. Несопоставимым было их социальное положение. Ригас родился и вырос в Украине, был сиротой, считал себя связанным обманом и целью пусть и благородной, но все еще неопределенной и расплывчатой.

Ричард, наделенный от природы рациональным умом, поощряемый друзьями, попытался глубже вникнуть в суть проблемы.

— Я вполне согласен с вами, мистер Кеннен, — произнес он. — Ваш вывод, как мы поняли, относится к особи, именуемой человеком. А эти особи, как известно, обитают на Земле далеко не в одинаковых условиях. К примеру, у нас в Англии, как и в США, — пик цивилизации, а значит, и свободы. Но что-то часто постреливают в Белфасте, а у заокеанских друзей, к которым мы

направляемся, еще свежи в памяти убийства президентов, события в Майами и 11 сентября, связанное с разрушением башен-близнецов террористами или, как говорят, с позволения правительства. И я не ошибусь, если скажу, что каждый выстрел или взрыв — это брешь в этой самой Свободе, демократии. И тех, кто это делает, руководствуясь своей свободой, следует решительно ограничивать в их свободе.

Артур Кеннен с интересом взглянул на парня, но ничего не успел сказать, так как заговорил Маскат:

— Я, как представитель общества, своим укладом отличающимся от того, который в Великобритании, — он взглянул на Ригаса и Ричарда, и в Украине, — посмотрел в сторону Александра, — раньше как-то мало задумывался о смысле этого слова. Может, потому, что с детства не испытывал такой потребности. У меня было все, что я хотел, а чего не хотел, так соглашался с тем, что исходило от родителей ил учителей. О свободе других не задумывался. Общался с людьми из родовитых фамилий, у которых свободы настолько много, что порою это идет во вред другим. Я не раз бывал свидетелем того, как представители вашего, как ты выразился, Ричард, свободного общества, находясь у нас, были крайне ограничены в своих свободах, что, впрочем, никак не влияло на мою

свободу или таких, как я.

Ричард тряхнул копной рыжих волос, хмыкнул и произнес:

— Дело в том, любезный Маскат, что я не говорю, насколько больше бесправных людей из вашего «уклада» в нашем обществе и европейцев в вашем. Но то, что в Европе и США больше свободных людей — это аксиома, это действительность.

На что Маскат спросил:

— А как же охарактеризовать социалистический уклад, что был в СССР и в Украине?

— Ты имеешь в виду явное насильственное отклонение тех стран от исторического процесса развития общества? Должен сказать тебе, дорогой Маскат, что это было не что иное, как тупик в развитии Союза ССР и его части в Украине. Это была свобода болезненной амбициозности людей, которые, игнорируя законы развития человеческого общества, нивелировали общество до такой степени, что умный стал дураком, а дурак еще дурнее. Если же умный не желал становиться дураком или хотя бы делать дурацкий вид, его уничтожали или изолировали в ГУЛаг. В этом, кстати, граждане тех стран активно преуспели, помогая друг другу в сталинские времена. Гноили за инакомыслие в лагерях и психушках при

Хрущеве, при Брежневe, и при Андропове. Слышал об этом?

— Ты хочешь сказать, что социализм — это неудачная прослойка между феодализмом и капитализмом? — не унимался Маскат.

— Поверь, это твое обозначение «прослойка» весьма удачно. Попробуй отыщи сейчас не только ученого, но просто уважающего себя человека, чтобы он же отстаивал человечность того социализма, который пережили там. В том обществе, по-моему, изначально все было гипертрофировано. Ты только вдумайся в их лозунги и кличи: «сначала разрушим, а затем построим». А почему бы не использовать то, что было построено? Кухарку сватали править страной! Парадокс: дюжим умам зачастую не под силу руководить государством, а там — вульгарное заигрывание с безграмотностью и бескультурьем масс. Вот и уничтожали всех инакомыслящих как бешеных собак и тех, кто чего-то в своей жизни добился тяжким трудом и знаниями — типа «кулаков» и генетиков. При социализме для масс, дружок мой, — Ричард взглянул на Маската, — свободой и не пахло. Вот почему социализм сегодня ни в одной стране света не чувствуют. Где социализм там диктатура и прославление правителей, что есть присутствие в обществе идолопоклонничества. Получается, что образ

жизни, преподнесенный большевиками в корне чужд человеческой сущности.

— Не хочешь ли ты сказать, что идеи и лозунги социализма неудачны или плохи? — уточнил Маскат.

— Как раз беда социализма в том и есть, что лозунги были хороши, а жизнь людей — плохая. Вот и пошли они стадом за коммунистическими поводырями к социализму, влекомые вековой славянской привычке к общности. Сколько потерялось народу на пути к светлому будущему, одному Богу известно. А то, что отнюдь не сладко, да и не свободно даже сейчас в странах осколочного социализма- это уж точно.

Ригас и Александр с горечью слушали Ричарда. Им было обидно и больно за многомиллионный обманутый люд бывшего Союза, драматически, а иногда и трагически переживающий вхождение в мировое рыночное сообщество. Обида жгла еще и потому, что им тут, «за бугром», в свободном мире, было виднее, что делается в Украине, России или Беларуси, а живущим там и по сей день невдомек, куда их стадом гонит скрижалистая госпожа история.

Артур Кеннен теплым взглядом обвел компанию подопечных и, остановив его на Ригасе, произнес:

— Много диковинного таит в себе жизнь.

Неисчислимы ее загадки и тайны, как и само развитие человеческого общества. Внимательно взглядывайтесь в нее своими молодыми, пытливыми взорами, подмечайте существенное, и тогда многое станет понятнее. Вы тверже будете стоять на земле, опираясь на увиденное и услышанное во время этого путешествия.

Он пододвинулся вместе с креслом к столу и заговорщически подмигнул им:

— В плане нашего путешествия есть задачи, которые будем решать вместе. Первая — знакомство с жизнью самого большого города в мире — Нью-Йорком, где проживает свыше 18 миллионов жителей. Для справки: только Токио по численности может соперничать с ним, но с пригородами Нью-Йорк не имеет равных. Другой объект нашего путешествия Ниагарский водопад. Ниагара соединяет пресные озера — Эри и Онтарио, что на границе с Канадой. О величии главного водопада Ниагары говорить не буду — оцените сами.

Как ни готов был Ригас к встрече с городом-мегаполисом Нью-Йорком, но увиденное с вертолета, взлетевшего с крыши пятизвездочного уолполловского отеля, впечатляюще подействовало на него. Сидя рядом с Сашей, он во все глаза смотрел на бесконечное нагромождение небоскребов, строений, автострад, парков, которые

поражали воображение грандиозностью размаха.

— Все, что вы видите, — доносился до него приятный голос молоденькой гидессы Вероники, сидевшей впереди с микрофоном, — все это создано человеком меньше чем за триста лет. Нью-Йорк — родина небоскребов. Мы находимся над Манхэттеном — одним из пяти районов и центром города. В переводе Манхэттен означает «Остров холмов». Прямо по курсу вы видите 102-этажное здание — Эмпайр Стейт Билдинг. Оно наиболее популярное у туристов. ЭСБ — третье по высоте в стране после чикагского небоскреба компании «Сирс и Робак» и двух башен Близнецов Всемирного торгового центра. В Нью-Йорке более 800 зданий, представляющих исторической, архитектурной и культурной интерес.

Ригас слушал грудной мелодичный голос Вероники и видел залитый солнцем, словно сказочным светом, город, расположенный на островах и отраженный в водах океана, как драгоценный камень, своими высотными зданиями и мостами. Он любовался бесчисленными прямыми улицами, красивыми площадями и изумрудными парками.

Тень от вертолета порхала по высотным зданиям, зелени парков, сверкающей глади воды. По другую сторону с многометровым факелом в руке, прижимая к груди книгу Правосудия,

смотрела им вслед невозмутимая Свобода.

Вероника без устали комментировала проплывающие внизу красочные населенные пункты...

— Впереди по курсу вы видите два водяных привидения: одно — это радужное облако из мельчайшей водяной пыли, поднимающейся над основным водопадом, — а другое — сам водопад. По мере приближения будет заметно усиливаться гул воды, падающей с высоты сорока девяти метров. Глубина котлована, куда падает вода, шестьдесят метров. Водопад делится Козьим островом на два потока. Левый, около девятисот метров, образует водопад Конская Подкова. Он размещается на территории Канады и еще называется Канадским. Второй, значительно меньший, расположен в пределах Соединенных Штатов, называется Американским и на два метра выше Конской Подковы. Гигантское привидение из капель и тумана, что вы сейчас видите, в любую погоду господствует над водопадом, и никакой ветер не в состоянии развеять его. Сегодня солнечная погода, и поэтому водная завеса содержит в себе пять красочных радуг. В пасмурный день облако и водопад представляются сплошной лавиной, которая беспрерывно движется вниз. Ночью это природное чудо освещается множеством прожекторов и от этого становится то

смарагдовым, то рубиновым, то оранжевым, то зеленым, а временами — фиолетовым...

Молодые путешественники с нетерпением ожидали встречи с водопадом.

Вертолет приземлился на специальной площадке. Вокруг стоял всепоглощающий гул. Ригас не слышал, что говорил ему Александр и кричал Маскат, показывая руками в сторону водопада. Видел возбужденное лицо сына шейха и его округленные от удивления карие до черноты глаза. Ригасу пришла мысль, что природа — всему голова, а человек в ее среде слабое и беззащитное существо. Выйдя из вертолета и запрокинув голову, он восхищенно смотрел на тысячи кубометров воды, ежесекундно низвергающейся вниз, на мгновение застывая на гребне водопада, будто раздумывая — ринуться в белую, гудящую преисподнюю или навеки застыть в своей величественной красоте. Зачарованный видением, все же нашел в себе силы оторваться от нерукотворного алмаза природы и посмотреть на Александра, который уже начал снимать видеокamerой непередаваемое чудотворство воды. Неожиданно Александр схватил Ригаса за руку и показал на середину водопада. На самом верху по натянутому стальному тросу двигался велосипедист. Всего несколько метров отделяло его от гребня водопада и десятки — от бурлящей

пучины. Страховки у смельчака видно не было. Малейшая оплошность — и его опасный трюк мог закончиться смертельными объятиями преисподней. Тысячи людей на берегах Ниагары, затаив дыхание, наблюдали за смельчаком. Камера беспристрастно снимала застывшего в восхищении Ригаса, разинувшего от удивления рот Маската, пораженного смелостью велосипедиста Ричарда.

После того как храбрец удачно преодолел водопад, ребята облегченно вздохнули.

Маскат, показывая пальцем на трос, усиленно заработал ногами на месте и счастливо рассмеялся. Ричард, будто не доверяя, тому что видел, вертел огненной шевелюрой из стороны в сторону.

Ригасом овладела мысль об отчаянной смелости и поразительной уверенности в себе неизвестного ему храбреца.

У водопада стоял сплошной гул. От падающей воды дрожала земля. О том, чтобы обменяться впечатлениями с Кенненом, не могло быть и речи. Смешно выглядели те, кто, находясь на берегу, пытались переговариваться. Со стороны это смотрелось так, будто они были под стеклянным колпаком: беззвучно открывали и закрывали рты. В их поведении и движениях было что-то от умалишенных.

Александр, выполняя просьбу Ригаса, вел съемки Ниагарского чуда. Неожиданно он застыл,

направив камеру в сторону закрепления троса. Ригас произвольно устремил свой взор туда же. Увиденное заинтересовало его: там находился стройный мужчина лет тридцати, невысокого роста, стриженный под «ежик», голый по пояс, в коротких шортах и белых кроссовках. Он держал перед собой в одной руке небольшой столик, в другой — плетенный из лозы стул. За спиной у него был небольшой деревянный ящик, наподобие рюкзака. Неожиданно для всех парень ступил на трос. Ригаса поразило то, что человек даже не примеривался к тросу, не пробовал его упругости ногой. Он смело ступил на стальную нить и словно по тротуару двинулся к середине водопада. Движение на берегу прекратилось. Тысячи взоров, многие — вооруженные биноклями, прикипели к канатоходцу. Он же, пройдя по тросу не менее сотни метров, остановился над бурлящей пропастью, галантно раскланиваясь в обе стороны перед обомлевшими зрителями.

Ригас зачарованно наблюдал за его плавными движениями. Было видно насколько они точны.

Канатоходец поставил перед собою на трос столик и, сняв со спины деревянный ящик, артистически ловко водрузил на него. Затем поставил на трос одну ножку стула и, сев на него, закинул одну ногу на другую. Он сидел на стуле, слегка развалясь, а под ним тонны воды срывались

в пропасть, вздымая тучи мельчайших частиц. Ригас только теперь понял, что там, где находится парень со своим нехитрым скарбом, все было мокрым — и трос, и ножки стола и стула, и обувь смельчака, и он сам. Но, наперекор водной стихии, держал он себя вызывающе непринужденно, за что не раз удостоивался неслышных аплодисментов нескольких тысяч восхищенных зрителей. Ригас понимал, что все это делается ради денег, но все одно его восхищению не было границ.

Парень открыл ящик, вынул из него небольшую газовую плитку, поставил ее на стол и поджег горелку. Из ящика поочередно появились сковорода и несколько яиц. Чудо-умелец разбил яйца в сковородку!

— Никак думает приготовить омлет? — усомнился Ригас.

Но, к его удивлению, парень не только приготовил яичницу. На высоте шестидесяти метров над водяным провалом стал поворачиваться во все стороны. При этом, он держал в одной руке сковородку с яичницей, а в другой вилку и предлагал испробовать свое блюдо ошеломленным зрителям.

Откуда ни возьмись, рядом с Ригасом оказался краснокожий парень, его голова была убрана перьями. Орлиным взглядом темных глаз он окинул Ригаса с ног до головы и приглашающим жестом

показал в сторону воздушного акробата. Александр, почувствовав неладное, прекратил снимать действие на тросе и решительно преградил дорогу индейцу с перьями, при этом запрещающе скрестил руки перед собою. Индеец понимающе кивнул и тут же завладел вниманием Маската. Ригас видел, как тот, будто под гипнозом, покорно зашагал за индейцем к тросу. Александр припал к видеокамере. Возле троса индеец артистично раскланялся публике и, неожиданно схватив Маската за талию, взвалил себе на плечи и, ступив на трос, зашагал навстречу ниагарскому кулинару. Нарочито пренебрегая законами физики, что требовало большой физической силы и циркового мастерства, индеец то беспомощно раскачивался из стороны в сторону над смертельным потоком, то его нога неожиданно теряла тонкую опору и комично дергалась на весу. Продолжая удивлять зрителей он, словно захваченный смерчем, стал кружиться на тросе.

Все понимали опасность выделяемых смельчаком трюков.

Ригас представлял себе жуткое состояние Маската и возможные непоправимые последствия, но помочь ему ничем не мог. Он не думал о том, что минутой назад сам мог оказаться на плечах безумного индейца.

Александра непрерывно снимал смертельное шоу, венцом которого было «угощение» омлетом

Маската на тресе над Ниагарским водопадом.

Ригас не видел, отведал ли Маскат хоть кусочек приготовленного блюда, но в одном был уверен: его друг не скоро придет в себя после возвращения на берег.

Ригас видел Артура Кеннена, который в бессилии метался по берегу, периодически хватывая руками лысую голову. Вдруг он подбежал к застывшей Веронике и, в ярости, схватил ее за плечо, при этом что-то закричал, указывая в сторону опасного представления. Вероника в отчаянии закрыла лицо руками. Артур Кеннен в бессилии ударил себя руками по бедрам и, словно не видя перед собой ничего, опять засеменял по берегу, натываясь на застывших в изумлении туристов.

Затаив дыхание, Ригас смотрел, как индеец нес Маската к берегу.

Маскат с поникшей головой, без признаков жизни лежал на плече индейца. Когда индеец поставил Маската на ноги, все увидели, что они не держат его: молодой араб был парализован от страха.

Появились юноши и девушки в красивой униформе. Они деловито сновали между туристами, собирая плату за представление в плетеные корзиночки. Руслан видел, что Александр положил сотню долларов и сам кинул несколько сотенных

банкнот.

Между тем ниагарское шоу продолжалось. Над водопадом пролетел вертолет, удерживая на тросе деревянную бочку, в которой стояла светловолосая девушка. Она махала рукой, посылая восхищенным зрителям воздушные поцелуи. Потом она исчезла в бочке.

Вертолет опустился к реке выше по течению, и все увидели, как отцепленная бочка беспомощно закружилась в неистовом беге реки к водопаду. Девушку, «задраенную» в бочке, впереди ожидала пропасть почти в шестьдесят метров глубиной. Бочка на мгновение зависла над пропастью и ринулась в кипящую преисподнюю.

Для зрителей потерялось ощущение реальности. Стоя на берегу, они были уверены в том, что из бочки невредимой появится белокурая красавица. Реальность ужаснула их. Когда бочку отловили в стороне от бушующего водопада и открыли — девушка из бочки не появилась, ее стали вытаскивать спасатели.

На берегу, мигая огнями, стояла «скорая помощь». Спустя время недвижимое тело девушки было доставлено на носилках в машину. Скорая помощь рванула с места, увозя несчастную.

Несмотря на драматический исход представления с бочкой, ниагарские дива до самого вечера сменялись одно за другим, причем

некоторые из них были не менее опасны, чем увиденные ранее.

Уже в отеле Артур Кеннен в сердцах строго высказывал Маскату за его необдуманый поступок:

— Ты понимаешь, что я за тебя отвечаю перед твоим отцом? Как ты мог так безрассудно поступить?! Я всем вам, — он обвел недовольным взглядом юношей, — запрещаю участвовать в опасных для жизни авантюрах. Если кто-либо из вас нарушит мой запрет, путешествие всех на этом и закончится.

Кеннен был прав, и молодежь понимала это. Только Маскат никак не мог взять в толк, как он сам добровольно отважился на участие в опаснейшем аттракционе. Он виновато улыбался всем и разводил руками.

Поздним вечером, вдоволь налюбовавшись волшебным видом водопада, побродив в парке королевы Виктории, друзья уставшие, но счастливые, вернулись в отель, где наскоро поужинали и уснули под несмолкаемый гул воды.

Наутро, после завтрака, Ригас изъявил желание посетить Пещеру Ветров, что находилась в скале за водяной завесой kloкочущего водопада. Ему захотелось изнутри увидеть и еще острее прочувствовать мощь и величие водопада. Выслушав просьбу, Артур Кеннен снял очки и

внимательно посмотрел на него.

— Внучек, — укоризненно произнес он, — неужели тебе доставит удовольствие находиться в грохочущей до умопомрачения водяной бане, при этом, не имея ни малейшей возможности вдохнуть в себя хотя бы глоток свежего воздуха? Нехватка кислорода там настолько ощутима, что многие теряют сознание.

Ригас, настроенный по-боевому, беспечно усмехнулся:

— А вы там бывали, сэр Артур?

— Если бы не бывал, не говорил бы, — с досадой произнес Кеннен. — Там поистине преисподняя — оглушит и измочалит водяным паром всякого, кто осмелится проникнуть туда.

— Тогда мне обязательно нужно на нее взглянуть, — упрямо настаивал Руслан.

— Я пас, — отказался Маскат, — до сих пор в голове кружится, как вспомню о вчерашнем.

— Я тоже не рискую, — отозвался Ричард, — виды преисподней не для меня. Да и мама, узнав о моих экспериментах, будет не в восторге.

«Ну, что же, — думал Ригас, — я сирота, мне терять нечего, а посмотреть водопад поближе все же интересно. Это все равно что любоваться извергающимся вулканом из кратера».

Только Александр, чтобы не оставлять друга одного, согласился посетить подводную пещеру

водопада.

Артур Кеннен, Маскат и Вероника провожали Ригаса и Александра, облачившихся в прорезиненную одежду, похожую на армейское противохимическое защитное обмундирование. Костюмы неловко сидели на них, оставляя открытыми только лица и руки.

Ригас сожалел о том, что с ним нет его чудесного аквалангистского снаряжения. Думая об этом, он поймал взгляд Вероники. Она мило улыбалась ему.

«Вот и сочувствующая душа», — подумал он, отвечая девушке улыбкой.

Вместе с несколькими смельчаками Ригас и Александр двинулись к лифту, который опустил их, к туннелю, позволяющему попасть в Пещеру Ветров, вымытую за века водой под многометровой толщей земли.

По пути следования Александр постоянно находился рядом с Ригасом.

Чем ближе они подходили к конечной точке маршрута — к пещере, тем тяжелее становилось дышать. Водяные пары, собираясь в капли сплошным потоком сбегали по лицу и по защищающей тело одежде. Несколько человек, не выдержав духоты, повернули назад. Ригас же, дыша открытым ртом, упрямо шел вперед. «Больше я этого никогда и не увижу, — повторял он себе, — а

значит, сейчас должен увидеть преисподнюю водопада. Почему-то вспомнилась улыбка Вероники. Девушка была красива, но Ригас, устремленный к своей, пусть пока и расплывчатой цели, меньше всего думал о возможных взаимоотношениях с представительницами прекрасного пола. Если когда и вспоминал о женщинах, то это были мать, бабушка, тетя Валя, Лена и Диана. В последнее время он все чаще возвращался в мыслях к дочери шейха. Порою сожалел, что ее нет рядом, и он не видит ее прекрасных темных глаз. Ему становилось трудно разобраться, кто ему больше нравится: Лена или Диана. Знал одно: для Лены он навсегда умер, как сирота и убийца. Вспомнилось обмякшее тело Глотайло, сына начальника милиции и крик Лены: *«Ты убил его !»*. С этой мыслью образ Лены стал таять и постепенно погас. На его месте появилось очаровательное лицо Дианы. Сестра Маската нравилась Ригасу, но сейчас она была далеко, а из грохочущего и пенящегося адского водоворота виделась Вероника. Ригас резко потрянул голову, прогоняя неожиданно появившийся образ, чем тут же обратил на себя внимание Александра. Ригас по губам прочитал его вопрос:

— Ты в порядке?

Александр, сам тяжело дыша, взял друга под руку. Ригас попытался как можно бодрее

улыбнуться, но улыбка вышла жалкой. Александр показал рукой на выход, предлагая покинуть неудобное и мерзкое место. Ощущая все более острую нехватку кислорода, Ригасу стало жаль Александра, который мучился рядом по его вине. Он оглянулся и обнаружил, что на смотровой площадке уже давно никого нет, кроме зрителя пещеры, облаченного в аквалангистский костюм с небольшими кислородными баллонами за спиной. Он отчужденно, холодно смотрел на них водянистыми рыбьими глазами: ему было все равно, сколько пробудет в промозглой грохочущей пещере эта парочка упрямых экскурсантов.

Первое, что увидел Ригас, выйдя из Аидова царства пещеры, была адресованная ему улыбка Вероники. Вновь вспомнилась бурлящая пучина воды и на ее фоне расплывчатый образ Вероники. Но теперь она была рядом, а ему до нее не было дела, так как он усиленно, открытым ртом, с нескрываемым наслаждением вдыхал кислород.

Артур Кеннен помогал ему снять костюм и тоже улыбался, видя внука Майкла Уолполла целым и невредимым.

Как узнал позже Руслан, ежегодно до миллиона людей посещают Ниагарский водопад. Попавшему сюда туристу есть на что посмотреть, где развлечься и отдохнуть.

Очередным испытанием теперь уже четверки

друзей (сэр Артур и Вероника остались на берегу) было мероприятие, связанное с экскурсией на увертливом пароходике «Дева Тумана» у самой лавины ниспадающей Ниагарской воды. Затаив дыхание, каждый из них ощущал величие водопада, испытывая при этом немалую долю страха.

На берегу сновали автобусы и машины, фуникулеры доставляли новые группы туристов. Вовсю работали рестораны и магазины, кинозалы, отели и игровые заведения. Появлялись новые объявления о смертельных трюках «Ниагарских безумцев».

Наши путешественники стали свидетелями ряда достойных внимания представлений: перехода мужчины и женщины по канату через Ниагарский водопад на ходулях. Два других игрока своими жизнями перекатывали по тросу на противоположный берег водопада тачки. Не для слабонервных был прыжок очередного оторви головы с огромной высоты водопада в клокочущую бездну. При этом в полете храбрец успевал сделать несколько сальто. Как Ригас узнал позже от Вероники, многие из этих трюков заканчивались трагически, но туристический бизнес набирал свои обороты, и зрители щедро платили исполнителям за смертельно опасные трюки.

После осмотра жемчужины Ниагары путешественники с интересом ознакомились с

каскадом водопадов между озерами Эри и Онтарио. Не раз плыли в весельной лодке, отмечая то спокойно-веселый, то до бешенства безудержный нрав Ниагары. От Вероники узнали, что эта река длиною всего пятьдесят четыре километра несет в себе воды в четыре раза больше, чем Днепр, длина которого две тысячи двести километров. Сообщив это, Вероника загадочно посмотрела на Ригаса, потом перевела взгляд на Александра. Услышанное ударило по самолюбию юношей и зародило некое подозрение к девушке. Для них стало загадкой сравнение Ниагары именно с Днепром, а не с Темзой или какой-то рекою Саудовской Аравии сообразно представительству путешественников.

После этого случая Ригас с предубеждением относясь к девушке, не раз ловил на себе ее заинтересованные взгляды. В них, кроме проявления симпатии, таилось нечто настораживающее.

Вероника не упускала случая перекинуться в течение дня хотя бы несколькими словами или зайти к нему под вечер в номер, якобы для обмена впечатлениями по поводу увиденного.

Ригас узнал, что она англичанка, в прошлом году закончила географический факультет Оксфордского университета, работает в туристической фирме.

— Название этого города сродни вашему

графскому титулу, — произнесла она, как бы случайно касаясь его руки своими пальцами.

Ригас отвечал:

— Между ними такое же расстояние, как между Ниагарой и Днепром.

Вероника деланно округлила глаза:

— Вот как? — Она играла, и играла умело по заданию людей сэра Чарлза.

Это они, узнав от переводчика Мэнсона о готовившемся путешествии внука Майкла Уолполла, извечного врага и конкурента, сделали все, чтобы их человек находился постоянно при нем. Его заданием было выведать у уолполловского отпрыска обо всем, что касается невесты откуда взявшихся у Майкла Уолполла огромных денежных сумм. Сэра Чарлза очень интересовало, не связано ли с этим семейством неожиданное появление на мировом рынке непомерно большого количества золота. Расчет строился на красоте и обаянии Вероники, стипендиатки службы безопасности сэра Чарлза. По заверениям Дика, его помощника, Вероника за время нахождения на американском континенте без особых затруднений обольстит и расколлет Ригаса. Чтобы облегчить выполнение поручения, Веронике заранее были сообщены имеющиеся сведения о Ригасе и его украинском родственнике Александре Светлове.

При первой же встрече с путешественниками

Вероника Броншлак по фотографии, предварительно показанной ей людьми сэра Чарлза, сразу опознала внука графа, отметила его скромность, немногословность и даже какую-то замкнутость. Его взгляд был внимателен, порою даже, как казалось ей, не по возрасту тяжеловат.

Пройдя определенную школу борьбы за выживание в детские годы с матерью, кассиршей лондонского зоопарка (отец погиб от взрыва в метро бомбы ирландских террористов), она познала, почему фунт лиха в бедной семье. Смазливая в детстве и довольно красивая в девичестве, не лишенная внимания сверстников и более зрелых мужчин, она быстро осознала свои преимущества и поставила перед собою цель: любыми средствами вырваться из нищеты, добиться достатка и успеха в этой нелегкой жизни. Ее мечте способствовал давний знакомый матери, служащий службы безопасности сэра Чарлза. Отметив красоту и смышленность Вероники, он помог ей поступить в университет и стать стипендиаткой чарлзовской корпорации с последующим приобщением к деятельности организации. Ее трудоустройство в международную туристическую фирму впоследствии стало поистине находкой для предприимчивых людей сэра Чарлза, когда возник вопрос о постоянном информаторе относительно титулованных

путешественников по американскому континенту.

Поручение, казавшееся Веронике поначалу легким в выполнении, каждодневно усложнялось. На исходе была уже вторая половина третьего дня их пребывания на Ниагаре, а она ни на шаг не приблизилась к разгадке тайны. Как между собой, так и с нею экскурсанты, в том числе и сэр Артур, были общительны, веселы, но ей ни разу не представилась возможность поближе сойтись с внуком Уолполла. Рядом с ним неизменно оказывался Александр. И если она как бы невзначай заводила разговор о богатстве Майкла Уолполла, его прежних финансовых сложностях, то натыкалась на изучающий взгляд Ригаса.

В разговор тут же вступал Александр, уводя в сторону от интересующей ее темы. Он это делал настолько естественно и непринужденно, что Вероника никак не могла заподозрить его в какой-то неведомой ей игре.

Время шло, но Вероника ничего не могла сказать дяде Дику по вопросу интересующей его темы. Дядя гневался и торопил ее, а сегодня даже порекомендовал воспользоваться своими женскими чарами. Вероника такой совет восприняла как должное. «А почему бы и нет, — думала она, — парень красив и богат. Не вечно же мне служить подставной уткой». *«Учись ловить миг удачи»*, — вспоминала она не раз выражение мамино

приятеля.

В один из дней она решительно направилась к номеру Ригаса, который располагался между «люксами» Артура Кеннена и Александра. Подойдя к двери, остановилась, переводя дыхание. Дверь была приоткрыта, и из апартаментов отчетливо слышался негромкий голос Ригаса:

— Утром отправим самолетом видеопленки Денису Витальевичу Гордину. Через сутки они будут в Украине. Пусть посмотрят наши соотечественники на Ниагарские дива. Не упустим случая посетить индейцев, что раскинули свои вигвамы на берегу Ниагары. Что скажут они, бывшие хозяева этих земель, о происходящем в наши дни на Ниагаре?

— Я готов, — слышался голос Александра. — Прихватим с собой Маската и Ричарда.

Вероника воровато оглянулась, боясь быть застигнутой за подслушиванием у чужих дверей, и тут же вздрогнула, упершись взглядом в суровое лицо Артура Кеннена. Изворачиваться смысла не было. Лицо Вероники взялось красными пятнами, но она нашла в себе силы произнести:

— Извините, сэр, но дверь была приоткрыта, и я не решилась сразу войти.

— Что ж, тогда зайдем вместе, — сдержанно произнес Кеннен и с укоризненной ухмылкой

открыл дверь.

— Вероника стеснялась войти, — перебил Кеннен разговор друзей, пропуская в комнату сконфуженную девушку.

Два друга повернулись в сторону вошедших. Ригас увидел в глазах Вероники неприкрытую неприязнь к сэру Артуру. Он не мог взять в толк негативную реакцию Вероники. «Может, сделала что-то не так, — думал он, — и получила нагоняй, как Маскат за свои трюкачества над водопадом». Спрашивать было неэтично, и он, желая смягчить обстановку, воскликнул:

— Вот и хорошо, что вы пришли! Зайдем за Ричардом и Маскатом, прогуляемся парком Королевы и встретимся со здешними индейцами. Приглашаем с собой вас сэра и Веронику.

— Вероника — да, — сдержанно усмехнулся Кеннен, — я же должен остаться, чтобы отдать распоряжения на завтра. Собственно, я и пришел спросить, с чего начнем знакомство с Нью-Йорком: с музеев, Диснейленда, наших предприятий, учебных заведений, или театров?

Ригас перевел взгляд с Вероники на наставника:

— А нельзя ли начать с Брайтон-Бич? — улыбнулся ему. — Очень хочется узнать, что думают об Америке и о себе люди, покинувшие Родину в трудное для нее время. Я имею в виду

бывший Союз. Мне ведь, как вы знаете, довелось родиться и жить в этом исчезнувшем государстве, поэтому интересно знать из первых уст об их впечатлениях, о самой цивилизованной стране мира.

Глаза Артура Кеннена округлились.

— Разве Нью-Йорк интересен этим? — недоуменно произнес он. — На Брайтон-Бич изгой. Хорошо, если кто выбился в люди. А то ведь, — он помолчал, подыскивая слова, — ящики сбивают, посуду моют. Есть, правда, и такие, что вечно деньги клячат на свои несбыточные проекты.

На что Ригас возразил:

— Но за время перестройки и развала Союза сюда приехало немало выдающихся ученых, артистов, спортсменов.

— И бандитов, — с улыбкой добавил Артур Кеннен. — Теперь им полиция ладу не даст.

— Нет, — не сдавался Ригас, — я имею в виду не мафиози Япончика и не грабителя экс-премьера Украины Павла Лазаренко, а таких, как конструктор Сикорский, писатель Солженицын, виолончелист Ростропович, скульптор Эрнст Неизвестный и другие.

— Ну-у... — протянул Кеннен, — такие фигуры на Брайтон-Бич не селятся. Они обитают в престижных районах. Они нужны Америке, она им щедро и платит. А им плевать на Родину. Особенно

на ту, которая пренебрегала ими, да и сейчас не заботится о тех своих гражданах, кому некуда податься. Спроси у канадских украинцев, — Кеннен посмотрел на Ригаса, — желают ли они вернуться на исконную Родину? У большинства увидишь в глазах лукавство и услышишь лаконичный ответ: «Я люблю Украину, но жить хочу в Канаде». Вот так-то, мой друг, — закончил Артур Кеннен и, довольный своей речью, потер пухлые руки. — Никому не нужен тот, кому не нужна Родина, и Родина никому не нужна, если она не создает человеческих условий для ее граждан. Но, как бы то ни было, организую экскурсию и на Брайтон-Бич. Встретишься там с тамошними эмигрантами.

— Вот и хорошо, — подытожил Ригас, с удовольствием воспринимая решение Кеннена.

Вероника думала, слушая этот разговор.

«Станный, однако, парень. Зачем ему нужны те, кто себе ладу не может дать? А может, это и прихоть миллиардеров? Нормальные в гору дерутся, а эти везунчики — вечно к дерьму тягу испытывают. Вот и этому светловолосому симпатяге позарез почему-то хочется с индейцами встретиться. Хозяевами их называет. Голодранцы — вот кто они, и еще несчастнее брайтоновских забулдыг.

Выйдя из номера, Вероника успела до того как

ребята отправились к вигвамам индейцев, сообщить дяде Дику, информацию о видеопленках, отправленных Александром рейсовым самолетом из Нью-Йоркского аэропорта имени Кеннеди директору украинской телекомпании Гордину.

В небольшом удалении от верхнего берега Ниагары, в сотне метров от ухоженного парка королевы Виктории стояло несколько вигвамов, крытых шкурами животных. Перед ними у костра в пышном головном уборе из орлиных перьев и яркой одежде исполнял ритуальный танец старый индеец. В одной руке он держал томагавк, а в другой дымилась длинная трубка.

Танец, несомненно, являлся главным элементом завлечения туристов. «Здесь каждый зарабатывает, как может», — подумал Ригас и, сложив ладони у груди, кивнул индейцу. Тот оценил благородство молодого туриста и показал рукою на несколько деревянных лавок, заставленных сувенирами: чашками из обожженной глины, мокасынами, ковриками из разноцветных тряпичных ленточек. Рядом с ними лежал боевой лук со стрелами в кожаном колчане, расшитом цветными шнурами. Здесь же было разложено несколько курительных трубок и ожерелий из цветного стекла; на видном месте красовались могучие оленьи рога, медвежье чучело и оскаленная голова волка.

— Обязательно купите себе что-нибудь на память, джентльмены, — хриплым голосом говорил индеец, — этим вещам в Европе нет цены. Они сделаны настоящими индейцами, некогда населявшими эти земли.

На его голос из вигвама вышла молодая индианка с маленьким ребенком на руках. Ее иссиня-черные, с сизоватым отливом волосы были заплетены в косы, перекинутае через плечи. Блестящий обруч с цветными камнями перехватывал ее загорелый лоб и гладко зачесанные на пробор волосы. Платье молодой женщины было нарядным и пестрым — с преобладанием красных, желтых и синих цветов.

Александр, прильнув глазом к видеокамере, запечатлевал виденное на пленку, уделяя внимание не только индейцу и индианке, но и их гостям, концентрируясь на Ригасе, который тем временем подошел к лавке и взял лук. Большим пальцем потрогал натянутую тетиву. Рядом в видеокадре тут же оказался старый индеец.

— Это лук великого духа Маниту, — поклонился он в сторону грохочущего водопада, — он владел им до того, как Маниту был поражен молнией небесного духа Хинане и, превратившись в змея, уполз в бездну Хор-Шу-Фолса. Маниту охотился с этим луком на медведей и волков, в великом множестве обитавших в наших богатых

дичью благословенных местах. Этому луку нет цены! — не унимался индеец.

Лук был увесистый. Ригас вытянул стрелу из колчана и, прислонив к тетиве, направил ее в сторону столба, который в виде огромной стрелы был врыт в землю между вигвамами. Взвизгнув, стрела вонзилась в дерево. Индеец тут же восторженно воскликнул:

— Какой удачный выстрел! Мистер, всего пятьдесят долларов и лук Маниту ваш!

— А это чей? — рыжеволосый Ричард с улыбкой держал перед собой другой лук.

— А это лук небесного духа, могущественного Хинане — владыки туч, дождя и молний, — индеец стал расхваливать и этот лук.

Вид старого аборигена, несмотря на веселую пестроту одежды, вызывал у Ригаса жалость. «Не приведи Господь в таком возрасте зарабатывать на хлеб подобным способом, — думал он и вспомнил бабушку. — Могла бы она таким образом зарабатывать на жизнь? — и ответил сам себе, — нет! Такого никогда не будет и со мной. У меня сейчас золота столько, что можно слитками перегородить Ниагарский водопад, обложить имеющиеся здесь постройки, выложить золотом дороги и тротуары, а взамен деревьев, кустарников и скал можно изготовить их золотые аналоги. В любое время я могу добавить к имеющемуся золоту

еще тысячи тонн новых слитков, находящихся в морской и океанской воде как в банке.

— Покупай, покупай! — восклицал рядом старый индеец. — Не пожалеешь! У тебя глаз и рука настоящего воина! — льстил он Ригасу. — Среди моих братьев наверняка получил бы прозвище Зоркий Глаз или Твердая Рука! Отдаю тебе лук Маниту всего за сорок баксов!

Улыбка скользнула по лицу Ригаса.

Маскат откровенно смеялся.

Вероника оценивающе наблюдала со стороны за молодым миллионером. Она ожидала, как он выкрутится из этого положения, устоит ли перед напором индейца, который без сомнения, уже продал столько луков Маниту и Хинане, что их с лихвой хватило бы для вооружения целой армии туристов, побывавших за последние дни на Ниагаре.

Ригасу лук был не нужен, но ему стало жалко индейца, а еще больше молодую индианку с малышом. «Какая судьба ждет его? — подумал он о ребенке. — Не хотелось, чтобы он будет исполнять танец вождя, зарабатывая гроши на продаже дешевых сувениров. Дай-ка я ему подслащу дорогу жизни», — решил он и вытянул чековую книжку. «*Пятьдесят тысяч долларов*» — ровной строчкой легло на водянистую бумагу чека. Улыбаясь, Ригас протянул чек индианке. Та, не соглашаясь принять

чек, кивнула в сторону индейца. Ригас не стал настаивать. Достал сто долларов и протянул старику. Тот в благодарности сложился пополам.

— Сдачи не надо, — тихо обронил Ригас и, ступив в сторону молодой матери, вложил чек в ручонку малыша.

— Это ему от Золотого Духа.

Индианка, не глядя на чек, признательно склонила голову, прикрыв длинными ресницами черные глаза.

Сто долларов не произвели впечатления на Веронику, но ей было интересно, на какую сумму одарил чумазого мальчика «золотой дух». Ее заинтересованность существенно возросла после того, как старикан индеец, вглядевшись в чек, вдруг встряхнул головою и повалился на колени перед Ригасом.

— О Маниту! О Хинане! Все, что ты видишь, молодой воин, на этих лавках, вместе с вигвамом принадлежит тебе!

Молодая индианка удивленно смотрела на старика. Веронике пришла мысль, не сошел ли старый осел с ума, но после того как индеец произнес: «Пятьдесят тысяч, сэр, — это большая благодать, чем могут сделать даже вместе Маниту и Хинане».

После этих слов не только Вероника, но и Ричард с Маскат обалдело уставились на Ригаса.

Ричард, подойдя сзади к Ригасу, шепнул:

— Старик, а не слишком ли это круто для этих людей? Они тем деньгам ладу не дадут.

Маскат, глядел на чек, и чесал на затылке свои черные жесткие волосы, затем тихо произнес:

— Если и дальше будешь так необдуманно щедр — гарантирую банкротство нашего путешествия и сэра Майкла Уолполла.

Индианка, слышав о сказочной сумме чека, повела себя, напротив, весьма сдержанно. Она окинула Ригаса взглядом черных, как здешнее ночное небо, глаз и произнесла:

— Пусть сохраняют тебя, белый воин, за твою щедрость божественные духи Земли и Воздуха — Маниту и Хинане. — После этого попыталась скрыться в вигваме, но индеец на пол дороге остановил ее и что-то сказал. Индианка поспешно вынесла из жилища пластмассовый столик и стулья.

Пока хозяин рассаживал гостей, черноглазая индианка проворно водрузила на стол литров на пять бочонок с вином и положила рядом с ним нарезанное лентами вяленое оленьё мясо. Индеец, неутомимо кланяясь, повторял:

— О Маниту! О Хинане!

Вероника сидела рядом с Ригасом и по лицу ее было заметно, что она раздражена: той суммы денег, которой молодой Уолполл одарил этих никчемных людишек, ей было не заработать и за

год. Она корила себя за то, что согласилась работать на дядю Дика, который сделал ее шпионкой при этих молодых оболтусах. «Почему такое счастье выпало каким-то индейцам? — расстраивалась она. — А что если выложить Ригасу то, что она приставлена к нему с определенным заданием, и за это признание он должен будет заплатить ей приличную сумму? С какой легкостью он отдал задрипанным индейцам пятьдесят тысяч. — Но Вероника тут же отогнала от себя эту мысль как довольно опасную. — Может, повезет еще и мне», — успокаивала себя, с неприязнью наблюдая за гордой индианкой, улыбавшейся Ригасу.

— А где же отец малыша? — спросил у индианки Ригас.

Индеец перестал кланяться, выпрямил украшенную перьями голову, поднял руку в направлении ревущего водопада и торжественно произнес:

— Быстрая Стрела в гостях у Маниту!

Путешественники переглянулись, не совсем понимая, о чем идет речь.

— Как это в гостях у Маниту? — удивленно переспросил Маскат.

— Он прыгал с троса в водопад и однажды не вернулся, — последовал спокойный ответ индейца.

— Это же горе для семьи? — вставил Ричард.

Суровое лицо индейца разгладилось.

— Еще в древние времена люди моего племени жили у водопада и ежегодно дарили великому Маниту самую красивую девушку — Деву Тумана. Она считалась невестой Маниту. Ее с детства окружали неусыпной заботой, уважением и вниманием. Ей предназначалась роскошная жизнь в царстве Маниту. Под крики соплеменников, звуки барабанов Деву Тумана выводили из самого красивого вигвама стойбища и отвозили за верхние пороги, где белоснежная лодка, заполненная цветами, плодами и подарками Духу Земли, ожидала ее. По команде верховного жреца лодку отпускали, и она стремительно летела к водопаду, а счастливая Дева Тумана... попадала в объятия Маниту. За это дух Земли был добр к индейцам, живущим на его берегах: в лесах в изобилии водились звери, а в реках и озерах рыба и бобры.

Ригас, слушая старого вождя, представил, как тело молодого индейца, распластавшись, летит в бурлящую бездну. Попытался увидеть сожаление или печаль на лице собеседника, но, кроме гордой умиротворенности, ничего не смог прочесть на нем. — Маниту потому и добр к нами, — вел рассказ старый индеец, что Быстрая Стрела у него в гостях. Это Маниту — хозяин грохочущей воды и всего живого на этой исконно индейской земле прислал вас к нам с божественным подарком.

— Как вам живется в этих местах? — поинтересовался Ригас.

— Эти земли испокон веков принадлежали нам, — с видимой печалью произнес индеец, — но белые люди захватили их и построили десятки гостиниц, мотелей и кемпингов. Теперь они хозяева здесь. Мы же зарабатываем себе на жизнь, чем можем. Если раньше мы были горды своей свободой и сыты, благодаря милости Маниту и Хинане, то теперь здесь правит мистер Доллар, а мы из хозяев превратились в изгоев.

«Вот тебе и Свобода, замешанная на золоте», — вспомнил Ригас величественную статую в нью-йоркской гавани. Его поразила искренняя вера старого индейца в Маниту, Хинане и загробную жизнь. «А почему бы и нет? — задавал он себе вопрос. — Чем языческая вера индейцев хуже других религий?

И вообще, что человечество знает о возникновении Земли и всего мироздания? На земном шаре больше тысячи религий, и каждая доказывает, что только одна она истинная и правильная, и только ее Бог — настоящий Бог».

— Я не скажу, что раньше нам всегда хорошо жилось, — вел свой рассказ старый индеец. — С самого рождения людям нашей крови предназначено вести трудную и опасную жизнь. С молоком матери мы впитываем волю и силу

претерпевать невзгоды и боль. Наш ребенок не может плакать, как белый, ибо мать закрывает ему рот рукой, приучая к тому, чтобы он в момент опасности не выдал себя и соплеменников, когда рядом враг, или зверь. Каждая мать, воспитывая ребенка не воспринимать боль, привязывает его к деревянной планке так, чтобы он не смог пошевелить ногой, или согнуть спину. В таком положении она долгое время носит его на плече. Наши отцы учили нас как выслеживать зверя и человека, как пользоваться томагавком и луком, как долбить лодку и делать лыжи, как из сухого дерева добывать огонь, как определять погоду, распознавать повадки зверей и птиц. Мы тоже добытый опыт передаем своим детям. Вот почему наши мальчики становились прекрасными воинами, способными защищать свою семью от врага. Но белые оказались хитрее: у них были ружья, бусы и «огненная вода». Они сеяли вражду между индейцами, спаивали их водкой, вытесняли на бесплодные земли, где не было зверя и воды. Нас осталось мало, и отняли у нас все.

В костре потрескивали смолянистые дрова, а индеец по прозвищу Острый Коготь рассказывал о своей прошлой и настоящей жизни. Ребята молча слушали его, а он подкидывал в костер душистые поленья и попыхивал закопченной трубкой. Ригас смотрел на морщинистое пергаментное лицо

старика, а перед его глазами был летящий в водопад молодой индеец. «Не закончу ли и я свою жизнь так же бесполезно, как Быстрая Стрела?» — думал он, сжимая в руках лук Маниту.

На небе в стороне от водопада, одна за другой загорались звезды. Водяная шапка Ниагары, расцвеченная множеством прожекторов, создавала феерическое зрелище. Это видение, вместе с несмолкающим гулом, царившим вокруг, казалось Ригасу, краше всего, что он встречал в своей жизни.

Его друзья также были зачарованы ночной панорамой великого водопада и рассказом Острого Когтя.

И только Веронику больше интересовал щедрый подарок внука Уолполла индейцам.

* * *

После путешествия по Ниагаре началось менее интересное, но необходимое, по мнению Артура Кеннена, знакомство с Нью-Йорком и достопримечательностями Соединенных Штатов. Из прослушанных лекций ребята узнали об общественно-политическом устройстве государства, его экономике, особенностях судебной-правовой системы, достижениях в области науки и культуры. Артур Кеннен, заинтересованный в развитии кругозора своих

подопечных, в соответствии с программой неоднократно организовывал встречи в различных фирмах, институтах, мэриях и даже правительственных учреждениях. В процессе знакомства с Нью-Йорком молодые люди узнали, что первое название Нью-Йорка — Новый Амстердам и что основан он голландцами в 1626 году. Потом, в 1664–1674 годах, он был захвачен англичанами и переименован в Нью-Йорк. С 1785 по 1790 год Нью-Йорк был столицей США.

Ригас остался доволен посещением Музея современного искусства, Метрополитен-музея, Линкольновского центра исполнительских искусств, а также Музея абстракционистского искусства Гуггенхайма. Путешественникам понравились захватывающие виды с площадок знаменитых небоскребов Манхэттена.

Почти месяц парни познакомились с природой Америки: посетили даже действующий вулкан Тахумулько.

Артур Кеннен не забыл желание Ригаса посетить Брайтон-Бич.

Это было по-американски видное место с огромными, лощеными домами, и рекламой на русском языке, что в лучшую сторону отличало здешних жителей от харьковчан — обитателей Полтавского Шляха, где было больше вывесок на английском языке, чем на русском, а тем паче на

украинском. Но Ригаса Брайтон Бич больше интересовал Русским клубом, и не сам клуб, а его члены. С одним из них была договоренность о встрече.

Ричард, Маскат и Вероника предпочли Брайтон Бичу посещение концерта какой-то рок-звезды.

Здание Русского клуба, куда вошли вместе с Ригасом Александр и Артур Кеннен, несло на себе печать времени. Интерьер клуба был под красное дерево с налетом ностальгической старины.

В ресторане, за кадкой с пальмой, в стороне от многочисленных посетителей их ожидал немолодой мужчина. Он был в черном смокинге и белой рубашке с бабочкой.

Подойдя поближе, Ригас рассмотрел его удлиненное лицо с аккуратно уложенным пробитым проседью волосом. Губы эмигранта были тонки и плотно сжаты, пальцы лежащих на столе рук и то ли вздрагивали, то ли отбивали такт.

— Я согласился уделить вам время, господа, — приподнявшись, произнес мужчина, — за определенную плату, поэтому будем предельно краткими. Не откажусь от спиртного и закуски.

Ригас повернулся к Артуру Кеннену, тот кивнул. Официант тут же стал накрывать на стол.

— Задавайте свои вопросы, — вяло улыбнувшись, поднял коньячную рюмку

эмигрант, — свое имя предпочитаю держать в секрете.

— Откуда вы родом, если это не секрет? — спросил Ригас.

— Москва, — был краткий ответ.

— Сколько лет в Америке?

— С началом XXI века и третьего тысячелетия пойдет тринадцатый. Здесь не любят этого числа. По-моему, и мне оно не сулит ничего хорошего.

— Кто вы по профессии? — интересовался Ригас.

— Я кандидат биологических наук и диссидент, как было принято называть инакомыслящих в Союзе.

Ригас сдержанно улыбнулся:

— Сейчас в странах СНГ обличителей больше, нежели молчащих. Почему не едете помогать им? Вы ведь за демократию боролись?

— Я свое дело сделал, роя могилу социализму. Пусть добивают его другие. Хочу пожить по-человечески.

— Удастся?

— Пока нет, — с горькой усмешкой признался эмигрант. — Слишком много из бывшего Союза сволочей понаехало, не дают развернуться, что ни рыло — то в личность лезет. Если такой умный, то чего ехал сюда?

— Жалеете о Родине? — задал вопрос Ригас, наполняясь неприязнью к бывшему соотечественнику.

— Пожалел волк овцу, снимая летом с нее шкуру, — усмехнулся эмигрант. — А она меня жалела, когда выпихивала сюда?

Чувствовалось, что только щедрая оплата за «чистосердечный разговор» удерживала эмигранта от бранных слов в адрес бывшей Родины.

— Плевать я хотел на ту Родину! — все же не выдержал он. — Десять лет она гноила меня в лагерях только за то, что я боролся против коммунистического диктата и сплошной лжи, пропитавшей общество. Живущие там — это рабы коммунистической идеологии. Они не знают другой жизни, как лизать задницы своим вождям и неумеренно, подчас позоря себя, прославлять их. Брежневские времена — это лучшие годы в их хреновой жизни. Они, как скот, быстро забыли те иезуитские времена, что были при Сталине. О том, какой это был рай, знают не понаслышке репрессированные и члены их семей. Остальные, не ведая, что творят, околдованные коммунистической религией, пели с голодухи о широкой стране с множеством морей и рек и том воздухе, каким им так вольно дышалось, пока не попадали в ежово-бериевско-щелоковскую преисподнюю. Чего хотели те массы, что не поддерживали таких, как